

А.В. Спичак, М.В. Узрюмова

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЧИСЛА РАСКОЛЬНИКОВ И ДОКУМЕНТАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ БОРЬБЫ С РАСКОЛЬНИЦАМИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА В Г. ТОБОЛЬСКЕ)

Проанализированы законодательные акты, направленные на регулирование числа раскольников в Российской империи в XVIII – начале XX вв. Выяснено, что основными причинами ухода женщины в раскол могло быть собственное желание, выход замуж за раскольника, вдовство и выживание в непростых условиях, социальное происхождение либо рождение в семье старообрядцев. Изучены документы, сопровождающие процесс выявления и наказания раскольниц. Рассмотрено делопроизводство Tobольской духовной консистории по делам о раскольницах.

Ключевые слова: Русская православная церковь; Tobольская епархия; Tobольская духовная консистория; раскольницы; причины; законодательство; делопроизводство.

«Дело» женщины часто встречается в истории раскола. Согласно результатам всех всеобщих переписей населения количество раскольников превышало количество староверов-мужчин на 5–7% в первой половине XVIII в., на 6–7% – в первой половине XIX в., на 7–10% – в конце XIX в. Женские раскольнические монастыри, пустыни и скиты отличались обилием и материальным процветанием, количеством насельниц по сравнению с числом соседних насельников. Еще в первой четверти XVIII в. существовало весьма характерное изречение: в расколе «что мужик, то вера, что баба, то устав». Обращает на себя внимание, с одной стороны, необычайный факт женского священнодействия, с другой – любопытный в жизни русского простонародья факт сравнительно широкой женской грамотности. Женщина получила в расколе право совершать богослужения: духовные требы, даже таинства. Обучение девочек изначально было заведено во всех главных центрах раскола; грамотность имела значение как средство для религиозного воспитания. С особенной силой и энергией женщина проявляла себя в семье, при поддержке раскола в своем доме, поэтому бытовая сторона раскола весьма часто была еще менее доступна для разрушения, чем церковная. Хорошо понимая важное значение женщины в семье, пропагандистки преимущественно с женщины и начинали. В положении женщины в расколе исследователи видели и защиту «старинной славянской равноправности двух полов», и «самобытную проповедь либеральной женской эмансипации» [1. С. 327–349], что особенно актуально в современный период расцвета женской эмансипации.

Вскоре после начала раскола, именно по причине миграционных процессов, прежде всего, он переместился на окраины государства, в том числе и на территорию Tobольской епархии.

Цель исследования – выявление причин перехода женщин в раскол и анализ методов борьбы с раскольницами в Tobольской епархии в XVIII – начале XX в.

Объектом исследования является повседневная жизнь раскольников этой епархии в тот период. Предметом научного анализа выступают причины перехода в раскол и методы борьбы с раскольницами в Tobольской епархии.

Хронологические рамки исследования охватывают XVIII – начало XX в. Нижняя грань рассматриваемого периода обусловлена началом гонений на раскольников. Верхним рубежом исследования являются события 1917 г., которые повлекли за собой коренные изменения во всех сферах жизни российского общества, включая религиозную.

Территориальные рамки работы определены границами Tobольской епархии. В современной отечественной историографии вопрос о женщинах-раскольницах аргументирован с позиций религиозно-хозяйственного сообщества. Вероучение, религиозно-нравственные ценности, социальные и психологические установки женщин-раскольников формировались через мотивацию к активной торговой, промышленной и сельскохозяйственной деятельности.

О женщинах-наставницах старообрядческих общин писал известный историк С.М. Соловьев [2, 3]. Позднее П.С. Смирнов на торжественном годичном акте Санкт-Петербургской духовной академии 17 февраля 1902 г. представил историческую справку о значении женщины в русском старообрядческом расколе [1].

Нельзя не согласиться с современным исследователем вопросов участия женщин в старообрядческих процессах России В.В. Керовым о том, что женщины в старообрядчестве занимали «значительное место» [4].

В конце 1990-х гг. – начале 2020-х гг. внимание вопроса женщин-старообрядцев России особенно привлекло историков, юристов, социологов [5, 6].

К вопросу об участии женщин-раскольников в жизни западносибирских регионов обращалась Н.А. Миненко, в трудах которой утверждается, что ряд промыслов находился в руках женщин-староверок, у них же, соответственно, скапливался и достаток, что вполне позволяло им влиять на местное общество. На территории Западной Сибири существовали целые старообрядческие села, где основная роль в хозяйстве и предпринимательстве принадлежала именно женщинам-староверкам, а не мужчинам. Женщинам же принадлежала и управленческая роль в вопросах социальных, экономических и религиозных. Результаты женского труда в Сибири приносили колоссальные прибыли и обеспечивали самим женщинам особое уважительное

отношение в семье и в обществе [7]. Во второй половине XIX в. число таких женщин в России выросло в разы.

Видный исследователь по истории старообрядчества Тобольской губернии Л.Н. Сусллова на материалах Тобольской губернии подтвердила факт существования на протяжении XIX в. порядка ста старообрядческих молитвенных зданий и помещений, где особая роль принадлежала зачастую именно женщинам. Положение религиозных центров старообрядчества в середине XIX – начале XX столетий было достаточно сложным и нестабильным [8. С. 250].

В целом в исторической науке неоднократно анализировались различные вопросы, связанные со старообрядчеством и церковным расколом на территории Тобольской губернии, а также выяснением в нем роли женщин. В то же время причины перехода в раскол и методы борьбы с раскольниками не получили полного отражения в историографии.

Интерес для исследования представляли документы, которые отложились в делах фондов № 156 Тобольской духовной консистории (далее – ТДК) и № 329 Тобольского губернского правления в Государственном бюджетном учреждении Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее – ГБУТО ГАТ). В первом фонде содержатся следственные дела, а во втором – о розыске раскольников.

Изучение проблемы проводилось на стыке документальной, исторической, источниковедческой и историко-правовой сфер исследования. Методологической основой исследования являются общенаучные, исторические и специальные методы документоведения.

Законодательное регулирование числа раскольников

Раскол в русской церкви, а затем и в определённых социальных слоях общества произошёл вследствие церковно-обрядового реформирования второй половины XVII в. [9]. Первым документом с предписанием губернаторам описать раскольников обоих полов и прислать данные сведения в Канцелярию Правительствующего Сената (далее – Сената), чтобы «положить» староверов в двойной оклад, стал указ от 8 февраля 1716 г. [10] Православные священники обязаны были вести в своих приходах точные исповедные книги и списки раскольников без всякой утайки; виновные же в такой утайке лишались места [11].

По общему распоряжению Сената и Святейшего Правительствующего Синода (далее – Синода) от 16 июля 1722 г. священникам предписывалось держать именные книги, в которых указывать дома православных и раскольников. По этим книгам проверяли, все ли старообрядцы «записаны двойным окладом» и ежегодно ли его платят. Копии книг отсылали к «светским управителям», которые обязывались доставлять книги вместе с рапортами и деньгами в Синод [12].

В 1725 г. была учреждена особая «Раскольничья контора», к которой перешли административно-полицейские дела по расколу, а в ведении Синода остались лишь вопросы миссионерской деятельности. Розыск «потайных раскольников» велся с помощью специальных военных агентов [11].

Согласно Уставу духовных консисторий 1841 г., в случае «суеверных действий или соращения в раскол» (если не помогли наставления священника) архиерей должен был донести Синоду и уведомить посредством отношения начальника губернии. О состоянии раскола местные священники обязывались сообщать преосвященному с описанием предпринятых действий «об охране православных и вразумлении заблуждающихся». Священникам надлежало взять с желающего вернуться к православию подписку «о пребывании в православии», зафиксировать факт крещения в метрической книге и донести преосвященному, а в сомнительных случаях спросить разрешения епархиального начальства. Духовные консистории обязаны были представлять Синоду ведомости о лицах, присоединенных в течение года из раскола [13].

От церковных причтов по указу от 29 июля 1865 г. требовалось представлять преосвященным ведомость о возвратившихся в православие раскольниках в начале января (с подписями всех членов причта). К ведомости прилагались установленные в ст. 25 и 29 Устава духовных консисторий письменные показания иноверцев о добровольном присоединении к православию и подписки иноверных родителей о воспитании крещенных в православной вере детей. Исключение составляло одновременное крещение большого числа людей, о чем следовало немедленно доносить [14].

Практика в 1860-е гг. показала, что решать проблемы в данной области с помощью открытых репрессий и притеснений невозможно [8. С. 249]. Александр III практически легализовал старообрядчество, признав за ним основные гражданские права. Закон 3 мая 1883 г. предусматривал, чтобы всем старообрядцам (за исключением скопцов) должны быть выданы паспорта на общем основании [11. С. 67].

Таким образом, многими законодательными актами старообрядчество было поставлено вне закона, что повлекло за собой полную дискредитацию старообрядческой части населения страны, и лишь в конце XIX в. эти законы были смягчены и частично отменены. Указом же от 17 апреля 1905 г. староверам даровали относительную свободу в вопросах веры, слово «раскольник» же изменили на слово «старообрядец» [11. С. 65].

Документационное оформление борьбы с раскольниками

В фондах ГБУТО ГАТ обнаружено 674 дела за 1750–1914 гг., относящихся к борьбе с расколом. Отдельная категория дел посвящена выявлению и поиску раскольников и обращению их в православную веру (или попытками).

Дела о раскольниках можно разделить по следующим темам:

- 1) о попытках «увещевания» раскольников (3 дела);
- 2) розыске раскольников (5 дел);
- 3) задержании раскольницы (1 дело);
- 4) енщине, судимой за раскол (1 дело);
- 5) об обращении крестьянок из православия в старообрядческую веру (4 дела);
- 6) о возврате беглых раскольников обратно в свою церковь (1 дело);

7) жене купца, покаявшейся перед смертью в расколе (1 дело);

8) об обращении раскольников в православную веру (4 дела);

9) о бежавших раскольниках (2 дела);

10) бежавших женщин, обратившихся от раскола (2 дела);

11) об отказе от попечительского жалования вдове дьячка (1 дело);

12) о штрафовании священника, записавшего раскольницу в духовные росписи (1 дело);

13) розыске крестьянок, вышедших замуж за раскольников (1 дело).

В результате изучения архивных документов выяснены возможные причины ухода женщин в раскол:

1. Самостоятельное решение. Раскол призывал женщину на защиту своей святыни, только в религиозной области женщину никто не стеснял, и она чувствовала себя самостоятельным человеком [1. С. 341].

2. Вследствие выхода замуж за раскольника. Если православная выходила замуж за раскольника, она становилась раскольницей то стараниями свекрови, то золовки [1. С. 339].

3. Рождение в семье раскольников или в семье, где раскольница – одна мать. Если раскольница выходила замуж за православного, дети все равно записывались в раскол [1. С. 339].

Рассмотрим несколько дел, представляющих в данной связи наибольший интерес.

Дело «Рапорты Курганского духовного правления о жене священника Утятской слободы С. Сычуговой, бывшей на исповеди у старообрядческого священника А. Жданова» (1811 г.), являлось секретным, о чем свидетельствует надпись: «По секрету» на его обложке. Начинается дело с рапорта протоиерея Никитина из Курганского духовного правления в ТДК от 27 января 1811 г. (№ 1) со следующим содержанием: «Представленное в сие правление при рапорте Слободы Утятским священником Чемесовым о бытии прихода его женки Стефаницы Сычуговой у исповеди у некоего екатеринбургского старообрядческого попа Андрея Жданова свидетельство» [15. Л. 2].

В приложенном рапорте священника Никифора Чемесова Слободы Утятской Богоявленской церкви от 23 января мы читаем: «По сим Тобольской духовной консистории секретных указов, будучи из прихода моего в деревне Раковой вдовы крестьянки Стефании Сычуговой чинил по должности законное увещание, так как она замечена мною ни у меня и ни у товарища моего священника Словцова¹ не бывшею у исповеди и у святого причастия, которая предъявляя данное ей от старообрядческого священника какого-то прозвывается Андрея Жданова свидетельство о бытии ее у него у исповеди якобы в деревне Ерохинской в молитвенном доме...».

Свидетельство об исповеди составлено на небольшом листе бумаги, на котором старообрядческий священник Андрей Жданов подтвердил посещение исповеди крестьянкой: «...года октября 27-го дня: Курганской округи Утятской волости деревни Раповой вдова крестьянка Стефания Федорова Сычугова – была у исповеди в деревне Ерохинской при молит-

венном доме узнать у... старообрядческого священника, в чем ей и дается сие... для приходских священников» [15. Л. 4]².

В выписке из указа Сената от 4 февраля 1737 г. сказано: «...кому из прихожан случай поедет из дому своего быть чуть в отлучке пред великим постом впродолье месяца на два, и ни три, или более и таким исповедоваться в тех местах, где в отлучке будет, у действительных священников, и от того священника, у коего в отъезде исповедался, взять о том свидетельствующее с рукой его письмо, которое... объявить приходскому своему священнику и у него, или у других из того прихода свидетельствующего действительного священника, дабы он в проверке не был сомнителен, так и исповедоваться, чтоб... отъездами... бывшей в отъезде исповеди не могли прикрываться раскольники». Секретарь своей рукой подписал: «...достоверно консистории по делам известно, что в Екатеринбурге старообрядческая церковь имеется и при ней находится священник Жданов; но он ли самой подписал свидетельство, данное крестьянке Сычуговой, о том утверждать нельзя!».

6 февраля 1811 г. ТДК решила, что рапорт не включает важных сведений и Курганское духовное правление его стоит хранить у себя для сведения, о чем был послан указ 24 февраля [15. Л. 5–5 об.]. 1 марта Курганское духовное правление составило рапорт о получении указа и сообщило об этом местным приходским священникам [15. Л. 6].

В «Деле о раскольнице Исетской провинции Агафье Григорьевой» 1752 г. найдена промемория Оренбургской высшей провинциальной канцелярии в ТДК 29 февраля 1752 г. о содержащейся под караулом раскольнице 34-летней Артемьевой Агафье Григорьевны Буткинской слободы, отказывающейся обращаться в православие [16. Л. 1а]. В «наказе» высшей провинциальной канцелярии содержится требование принять раскольницу в кандалах в ТДК [16. Л. 2]. 11 марта ТДК проверила метрические книги и ревизские сказки и выяснила, что Агафья родилась в деревне Савиной Ольховской слободы Екатеринбургской епархии в православной семье, но родители уже умерли, и проживала в деревне Калиновке с двоюродной теткой – раскольницей. Исповедовалась и приобщалась у священника Бориса Ольховской слободы, однако где он находился во время наведения справки, не было известно. Агафья сама записалась в раскол и перестала ходить в церковь. Раскольница намеревалась сгореть вместе с единомышленниками в д. Калиновка. Инициатор самосожжения Никифор для этого специально подготовил дом – обложил внутри и снаружи соломой, берестой, приготовил смолу, порох. Однако несчастья удалось избежать после обнародования указа из Буткинской слободы с приказом разойтись по своим местам. Агафья осталась при своем мнении и приговорила себя к смертной казни [15. Л. 4–5]. 22 марта ТДК взяла с раскольницы обязательство посещать исповедь и святое причастие, креститься тремя (а не двумя, как раскольники) перстами и ни с кем не обсуждать раскол [16. Л. 6–6 об.].

Согласно материалам «Дела об обратившихся от раскола жене Мавре Лукиной и девке Матрене Чулко-

вой» 11 марта 1752 г. барнаульского завода Петропавловской церкви, заказчик Василий Иванов Протопопов в «покорнейшем рапорте» сообщил митрополиту Сильвестру, что по указу ТДК от 18 августа 1751 г. содержится под караулом раскольник крестьянка Матрена Яковлева Чулкова, при этом причт увещевал ее «без ослабления», однако безрезультатно. На момент допроса ей было 60 лет, выяснилось, что ранее она была крещена. Приобщаться она так и не пожелала [17. Л. 6–8].

«Дело о взыскании штрафа со священника Николаевской церкви, города Тары Матвея Данилова за ложные записи в духовных росписях о воеводской жене, раскольнице, Устинье Кривоноговой» начинается с «покорнейшего доношения» 23 марта 1774 г. диакона тарской единой церкви Семена Чуитасова: «Прошлого 1768 года титулярный советник города Тары воевода господин Кривоногов подавал в Тарское духовное правление челобитную о вступлении в законное супружество Тобольского города записного раскольника Прокопьева Володимерова с дочерью его записною раскольницею Устиньей Прокопьевой, по которой и должно оную Устинью обратить от раскольничьего заблуждения, о чем того Тарского заказа градотарской единой церкви священнику Ивану Гусеву из Тарского духовного правления указ был послан, однако она необращена (а обвенчана Тарского Успенского собора протопопом Иоанном Иоанновым) и состоит поныне необращенною, только она в праздничные, в воскресные, и высокочестивые дни в церковь к литургиям ходит, и градотарской Николаевской церкви священником Матвеем Даниловым ежегодно в духовных росписях показывается бывающей бывшею на исповеди и у святого причастия. А как сын мой Евграф при той Николаевской церкви находится пономарем, то оной священник Данилов принуждает его под духовными росписями подписываться, только я сын своему за 1773 год до резолюции вашего преосвященства подписаться под теми росписями велел удержаться. 26 марта преосвященный приказал приобщить доношение к делу и представить, когда будет найден священник Иоанн [18. Л. 2].

Семен Чуитасов 31 августа 1774 г. подал еще одно доношение о том, что его сын вместе с сыном священника Данилова донесли на последнего и вскрыли ложность показаний о прихожанах, не бывших у исповеди и святого причастия, а также укрытие доходов церкви. В свою очередь, священник Данилов просил воеводу Кривоногова отправить нарочного священника, и был послан военный Яков Иванов Балашев, который был пойман, не доехав до ишимского устья, 13 августа 1774 г. и доставлен не в Тарское духовное правление, а в теремковый острог, где по просьбе священника Данилова заключен, но выпущен вскоре старостой [18. Л. 5–5 об.]. 15 сентября 1774 г. преосвященный приказал священника Данилова и перечисленных причетников представить в ТДК [18. Л. 6].

12 января 1775 г. в ТДК был допрошен дьячок Павел Данилов. Результаты допроса показали, что он не знал, являлась ли Устинья раскольницей или нет, так как был новым членом причта (с ноября 1769 г.), но утверждал, что она посещала исповедь и святое причастие, а когда болела, исповедовалась и причащалась у себя дома [18. Л. 8].

ТДК выяснила, что в духовных росписях за 1769, 1772, 1773 и 1774 гг. Устинья показана, как посетившая и исповедь, и причастие, хотя на самом деле была только на исповеди. Священник был уверен, что она не относится к раскольникам, так как ходила в церковь. Согласно указу от 17 февраля 1718 г., со священника, укрывающего не бывших у исповеди, взимался штраф – первый раз 5 руб., второй – 10 руб., третий раз – 15 руб. ТДК 27 января 1775 г. приказала взыскать 5 руб., а Тарскому духовному правлению велелось лучше следить за правильностью духовных росписей [18. Л. 12–12 об.].

Сохранилось и «дело об уклонении в раскол крестьянки Готовцевой» (1841 г.) 3-е отделение ТДК 25 июля 1841 г. сообщило в письме в Тобольское губернское правление о получении от Тарского духовного правления рапорта с представлением крестьянки Буталовской волости Анастасии Готовцевой о желании ее перейти из раскола в православие. По этому поводу преосвященный 1 июня того года приказал крестьянку после уведомления гражданского начальства увещевать в присутствии консистории, а в случае упорства представить ее светскому суду, так как она при следствии сама показала, что она была крещена и дважды исповедана православным священником и признавала себя православной [19. Л. 1]. Тобольское губернское правление получило письмо 29 июля, через 2 дня приняло решение и 14 августа отправило ответ с пометой «секретно». Вести дело предназначалось Тарскому земскому суду [19. Л. 2–2 об.]. В его рапорте Тобольскому губернскому правлению от 15 октября (получен 27 октября) сообщается, что раскольница оказалась беременной и будет выслана в ТДК после родов [19. Л. 3]; об этом Тобольское губернское правление уведомило ТДК традиционно – с пометой «секретно». 28 марта преосвященный приказал не вызывать крестьянку в ТДК, при этом местному священнику увещевать ее «при всяком удобном случае» [19. Л. 4–6 об.].

На обложке дела «Дела об обращении крестьянки Курганской округи Л. Базановой из православия в раскол» 1881 г. нет отметки о секретности, зато имеется «опись бумагам» (внутренняя опись дела). Указом ТДК от 21 марта 1879 г. предписывалось по делам раскольников обращаться к своему епархиальному архиерею. Начинается дело с копии рапорта 21 июня 1880 г. священнослужителей Вознесенской церкви с Падеринского Курганского уезда епископу Василию (Левитову). Дочь православного крестьянина д. Барашковой Федора Иоаннова Базанова (бывшего волостного головы), девица Гликерия 16 лет была совращена в раскол австрийской секты и 6 июня 1880 г. вышла замуж за раскольника крестьянина д. Костоусовой Евтихия Павлова Чечулина. Предполагалось, что брак был совершен австрийским «лже-священником» крестьянином д. Костоусовой Петром Васильевым Поповым, у которого в доме были обнаружены церковные принадлежности, за что он 8 месяцев провел в тюрьме г. Кургана. Наставления крестьянинам Базановым и Чечулиным – родителям молодоженов – не увенчались успехом [20. Л. 2–2 об.].

1-й стол 1-го отделения Тобольского губернского правления 30 июля 1880 г. сообщил курганскому

окружному полицейскому управлению о данном инциденте, приложил копию рапорта священнослужителей и предписал по принятии увещания Базановой установленным порядком немедленно произвести на законных основаниях удостоверение, а в случае надобности – и само следствие, результаты которого затем отослать в ТДК [20. Л. 3–4].

В документе от 10 января 1881 г. под названием «общественное удостоверение» жители деревни подтверждали, что Федор Иванов Базанов был православного исповедания, старшую дочь Лукерью отдал замуж в д. Костоусову, и ее судьба с тех пор неизвестна, как и то, совершена ли она в раскол [20. Л. 6]. Далее в деле содержится «клятвенное обещание» о том, что прихожане говорят правду, после текста обещания содержится его дата и подписи свидетелей [20. Л. 5–5 об.]. Таким образом, «общественное удостоверение» не прояснило ситуацию. В ТДК была представлена справка на отца раскольницы и его семью, согласно которой Лукерье было всего 17 лет.

Падеринское волостное правление 14 января 1881 г. донесло земскому заседателю гражданского суда Курганского округа о том, что «Петр Васильев Попов 34 лет по приговору Падеринского волостного правления, состоявшемуся 21 сентября 1876 г. по делу о самостоятельной отлучке из жительства без письменного вида оставлен в сильном подозрении и второй раз согласно решению Тобольского губернского суда, изложенному в предписании губернского правления от 23 июня 1874 г. за обращение своего дома в молитву выдержан в курганском тюремном замке 8 месяцев» [20. Л. 12–12 об.].

Таким образом, причинами ухода женщины в раскол могло быть собственное желание, выход замуж за раскольника, вдовство и выживание в непростых условиях, социальное происхождение либо рождение в семье старообрядцев (по крайней мере, наличие матери-раскольницы) и пр. Староверки-женщины стали

частью социально-экономической и религиозной жизни в процессах интенсивного освоения Сибири в XVII–XX вв. Правительственные репрессии, борьба с женщинами-раскольницами зачастую лишь стимулировали их деятельность. Беглецы-староверы, искавшие условия для свободного вероисповедания и хозяйствования, уходили на окраины, осваивая целинные необъятные территории Тобольского края.

Делопроизводство по вопросам раскольников было секретным, на документах в правом верхнем углу обычно проставлялась отметка «секретно». Производство дела могло затягиваться на несколько месяцев из-за переписки епархиального начальства с духовными правлениями и Тобольским губернским правлением. Священники для представления лучшей статистики могли скрывать раскольников, вышедших замуж за православных мужчин из их прихода, и записывать первых как православных и посещающих все необходимые церковные процедуры. Однако не всем это могло понравиться, ввиду разных причин ложь могла открыться, и тогда неминуемо следовало наказание. Для «увещевания» всех раскольников отправляли в ТДК; исключение составляли только беременные женщины.

Встретив в женщине подходящий объект для осуществления своих скитско-аскетических взглядов, раскол нашел возможным воспользоваться ею отчасти и для охраны богослужебного обряда и чина, и дорожил ею как лучшим плодом обрядоверного домостроевского воспитания и тем, кто приносит социально-экономический доход для подобных дел [1. С. 345–346].

В настоящее время все больший вызов церковному единству приходит со стороны людей, отошедших от Церкви, впадших в раскол. Изучение и использование исторического опыта в данном отношении может в сложившейся ситуации быть оптимально полезным и практически выгодным в вопросах упрочнения роли русской православной церкви в жизни современного общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Фамилия написана неразборчиво.

²Левое поле документа подшито в корешок дела, в силу чего часть текста недоступна для чтения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов П.С. Значение женщины в истории русского старообрядческого раскола // Христианское чтение. 1902. № 3. С. 326–350.
2. Соловьев С.М. Сочинения. М., 1993. Кн. 8. 327 с.
3. Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Киев, 1895. Вып. 1. 280 с.
4. Керов В.В. Мария Морозова и другие: гендерный аспект старообрядческого предпринимательства // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 60–69.
5. Беспалова Ю.М. Ценностные ориентации предпринимателей в России (на материалах западносибирского предпринимательства второй половины XIX – начала XX вв.). СПб., 1999. 202 с.
6. Волошина Е.С. Юридические аспекты женского предпринимательства в России в 1910–1917 гг. // Конференции, дискуссии, материалы. 2004. М., 2003. С. 45–52.
7. Миненко Н.А. Живая старина. Будни и праздники сибирской деревни. Новосибирск, 1989. 160 с.
8. Сулова Л.Н. Старообрядческие молитвенные здания в Тобольской губернии в XIX – начале XX в. // Проблемы истории России. Екатеринбург : Волот, 2005. Вып. 6: От Средневековья к Современности. С. 240–271.
9. Головань Е.В. Раскол в исследованиях второй половины XIX в. (по каталогам библиотеки костромского общественного собрания, (1899–1906)) // Электронный научный журнал «Современные проблемы науки и образования». 2015. № 1. URL: <http://www.science-education.ru/ru/issue/view?id=121> (дата обращения: 27.10.2016).
10. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Т. V. 2991. С. 166.
11. Софронов В.Ю. Государство и церковь в борьбе с церковным расколом (конец XVII – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 301. С. 65–68.
12. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. 4052. С. 737–742.
13. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XVI. Отд. 1. 14409. С. 222.
14. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. L. Отд. 1. 42345. С. 829.

15. ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО ГАТ). Ф. 156. Оп. 7. Д. 8.
16. ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1139.
17. ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 7. Д. 1205.
18. ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 3. Д. 336.
19. ГБУТО ГАТ. Ф. 329. Оп. 4. Д. 71а.
20. ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 1351.

Статья представлена научной редакцией «История» 5 февраля 2020 г.

Legislative Regulation of the Number of Schismatics and Documentation of the Fight against Schismatics in the 18th – Early 20th Centuries (Based on Materials from the State Archive in Tobolsk)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 124–130.

DOI: 10.17223/15617793/466/15

Aleksandra V. Spichak, Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russian Federation). E-mail: spichak-89@mail.ru

Maria V. Ugryumova, Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russian Federation). E-mail: mugryumova@mail.ru

Keywords: Russian Orthodox Church; Tobolsk Eparchy; Tobolsk Spiritual Consistory; schismatics; reasons; legislation; proceeding.

The article examines normative legal acts regulating the number of schismatics in the Russian Empire in the 18th – early 20th centuries, as well as the practical application of the legislative framework in Tobolsk Eparchy. The aim of the study was to identify the reasons for the transition of women to schism and to analyze the methods of combating female schismatics in Tobolsk Eparchy in the 18th – early 20th centuries. To reach this aim, published and unpublished sources were studied. At the first stage of the study, the legislative regulation of the number of schismatics was analyzed using the Complete Collection of Laws of the Russian Empire. At the second stage, the practice of identifying and punishing schismatics in Tobolsk Eparchy was examined using the materials of the State Archive in Tobolsk stored in Fund I156 “Tobolsk Spiritual Consistory”. In the archive, 674 cases related to the fight against the schism of 1750–1914 were found. A separate category of cases is on identifying and searching for female schismatics, and converting (or attempting to convert) them to the Orthodox faith. These materials allow tracing how proceedings on the cases of female schismatics were organized in Tobolsk Spiritual Consistory. The problem was analyzed at the intersection of documentary, historical, source study, and historical legal research spheres. The methodological basis of the research is general scientific, historical, and specific methods of document science. As a result of studying the documents of the State Archive in Tobolsk, possible reasons for the departure of women to schism have been identified. The main reasons for a woman to become a schismatic could be her own desire, marriage to a schismatic, widowhood and survival in difficult conditions, social origin, birth into an Old Believer family (at least the presence of a schismatic mother), etc. The main method of combating female schismatics was “exhortation”, for which the schismatics were sent to Tobolsk Spiritual Consistory; the only exception was pregnant women. The features of proceedings on the struggle against female schismatics have been clarified: proceedings were secret; the proceedings on the case could be prolonged for several months due to the correspondence of the eparchy’s authorities with the spiritual boards and Tobolsk provincial government; to provide better statistics, priests could hide female schismatics who married Orthodox men from their parish and record the former as Orthodox and attending all the necessary church procedures.

REFERENCES

1. Smirnov, P.S. (1902) Znachenie zhenshchiny v istorii russkogo starobryadcheskogo raskola [The significance of women in the history of the Russian Old Believer schism] *Khristianskoe chtenie*. 3. pp. 326–350.
2. Solov'ev, S.M. (1993) *Sochineniya* [Writings]. Vol. 8. Moscow: Mysl'.
3. Lileev, M. I. (1895) *Iz istorii raskola na Vetke i v Starodub'e XVII-XVIII vv.* [From the history of the schism at the Vetka and in Starodubye in the 17th–18th centuries]. Vol. 1. Kyiv: Tipografiya G.T. Korchak-Novitskogo.
4. Kerov, V.V. (2015) Mariya Morozova i drugie: gendernyi aspekt starobryadcheskogo predprinimatel'stva [Maria Morozova and others: the gender aspect of Old Believer entrepreneurship]. *Ural'skii istoricheskii vestnik – Ural Historical Bulletin*. 4(49). pp. 60–69.
5. Bepalova, Yu.M. (1999) *Tsennostnye orientatsii predprinimatelei v Rossii (na materialakh zapadnosibirskogo predprinimatel'stva vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv.)* [Value orientations of entrepreneurs in Russia (based on materials from West Siberian entrepreneurship in the second half of the 19th and early 20th centuries)]. St. Petersburg: [s.n.].
6. Voloshina, E.S. (2003) Yuridicheskie aspekty zhenskogo predprinimatel'stva v Rossii v 1910–1917 gg. [Legal aspects of female entrepreneurship in Russia in 1910–1917]. In: *Konferentsii, diskussii, materialy. 2004* [Conferences, discussions, materials. 2004]. Moscow: Ekon-inform. pp. 45–52.
7. Minenko, N. A. (1989) *Zhivaya starina. Budni i prazdniki sibirskoi derevni* [Living old. Weekdays and holidays of the Siberian village]. Novosibirsk: Nauka.
8. Suslova, L.N. (2005) Starobryadcheskie molitvennye zdaniya v Tobol'skoi gubernii v XIX – nachale XX v. [Old Believer prayer buildings in Tobolsk Province in the 19th – early 20th centuries]. In: *Problemy istorii Rossii* [Problems of the history of Russia]. Vol. 6. Yekaterinburg: Volot. pp. 240–271.
9. Golovan', E.V. (2015) The Schism in the Studies in the Second Half of the 19th Century (According to the Catalogs of the Kostroma Social Gathering Library (1899–1906)). *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 1. [Online] Available from: <http://www.science-education.ru/ru/issue/view?id=121> (Accessed: 27.10.2016). (In Russian).
10. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii* [Complete collection of laws of Russian Empire] Col. 1. Vol. V. 2991. St. Petersburg: Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii. p. 166.
11. Sofronov, V.Yu. (2007) The State and the Church in the Struggle against the Schism (Late 17th – Early 20th Centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 301. pp. 65–68. (In Russian).
12. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii* [Complete collection of laws of Russian Empire] Col. 1. Vol. VI. 4052. St. Petersburg: Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii. pp. 737–742.
13. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii* [Complete collection of laws of Russian Empire] Col. 2. Vol. XVI. P. 1. 14409. St. Petersburg: Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii. p. 222.
14. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii* [Complete collection of laws of Russian Empire] Col. 2. Vol. L. P. 1. 42345. St. Petersburg: Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii. p. 829.

15. State Archive in Tobolsk. Fund 156. List 7. File 8. (In Russian).
16. State Archive in Tobolsk. Fund. 156. List 1. File 1139. (In Russian).
17. State Archive in Tobolsk. Fund. 156. List 1. File 1205. (In Russian).
18. State Archive in Tobolsk. Fund. 156. List 3. File 336. (In Russian).
19. State Archive in Tobolsk. Fund. 329. List 4. File 71a. (In Russian).
20. State Archive in Tobolsk. Fund. 156. List 11. File 1351. (In Russian).

Received: 05 February 2020